

DOI: 10.24411/2500-2872-2018-10004

Военнопленные Халхин-Гола

Е.Л. Катасонова

Статья посвящена истории советско-японского военного конфликта на реке Халхин-Гол (Номонхан) (1939), который сыграл роль своеобразного детонатора Второй мировой войны. Это событие произошло 79 лет назад, но по-прежнему продолжает оставаться темой дискуссий среди историков России, Японии, Монголии и других стран. Одним из мало освещённых аспектов этой проблемы является вопрос, связанный с военнопленными Халхин-Гола. До сих пор он остаётся недостаточно изученным, а опубликованная статистика – противоречивой и неполной.

Ключевые слова: советско-японский пограничный конфликт, бои на Халхин-Голе (Номонхане), военнопленные, поражение Японии, Советская армия, необъявленная война.

Khalhin-Gol: The Prisoners of the War

E.L. Katasonova

The article deals with the history of Khalhin-Gol (Nomonhan) Soviet-Japanese military conflict (1939), influencing – as an outbreak – and shaping the course of World War. It has happened 79 years ago, but still continues to be the topic for discussion among historians in Russia, Japan, Mongolia and other countries. And one of the most obscure issues of this military conflict is the problem of prisoners' of war (POW). So far research of the topic remains quite poor and published data is contradictory and scarce.

Keywords: Soviet-Japanese border conflict, battles of Khalhin-Gol (Nomonhan), prisoners of war (POW), Japanese defeat, Soviet Army, undeclared war.

Вооружённый конфликт в районе реки Халхин-Гол относится к той категории международных событий, которые на протяжении многих лет привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей многих стран. В 2019 г. мы отметим 80-ю годовщину тех сражений, однако и в наши дни пока не поставлена окончательная точка в разгадке и оценке многих моментов произошедшего, несмотря на большой массив фундаментальных трудов по данной проблеме, изданных в нашей стране и за рубежом.

Показательно, что события на Халхин-Голе, часто именуемые в научной литературе как вооружённый конфликт, или необъявленная война, а также «вторая русско-японская война», происходили за пределами государственных территорий СССР и Японии – на монголо-маньчжурской границе. Возможно, именно поэтому ведущие советские и японские газеты продолжительное время ограничивались весьма скудной информацией о происходящих там военных действиях. В СССР, например, публиковались лишь самые краткие сообщения ТАСС. Ни одного описания боя, ни одной корреспонденции из Монголии ни в июне, ни

в июле, ни в августе 1939 г. не появилось в центральной прессе. Редкое исключение составили лишь региональные издания. Так, 16 июля 1939 г. в «Красноярском рабочем» сообщалось: «с 6 по 12 июля... монголо-советскими войсками захвачены 254 пленных... монголо-советской авиацией и зенитным и артиллерийским огнём сбит 61 японский самолет. Из экипажей этих самолетов захвачено в плен 12 японских летчиков: капитан Маримото, поручик Аmano, поручик Мицутони, подпоручик Минудо, фельдфебели – Сайто, Миадзимо, Фудзи, Мицутони, унтер-офицеры – Исибе, Такамацо, Исидзава, Мотохара. Большинство из них тяжелораненые» [1]. Насколько верна эта информация – судить трудно: во всяком случае, сразу же бросается в глаза явно завышенная численность японских пленных, противоречащая позже объявленной статистике.

Что же касается центральных газет, то только 6 августа в них был опубликован указ о награждении некой танковой бригады орденом Ленина и о присвоении ей имени комбрига М.П. Яковлева. При этом не указывались ни номер бригады, ни за какие воинские достижения она была награждена высшей наградой СССР. На самом деле речь шла об 11-й танковой бригаде, которая награждалась за активное участие в боях на горе Баин-Цаган.

Одними из первых о халхин-гольских сражениях открыто заговорили писатели и поэты, воспевав мужество и героизм советских солдат. Среди них – известный советский поэт Константин Симонов, который отправился на передовую в качестве военного корреспондента и описал увиденное там в своей поэме «Далеко на Востоке», романе «Товарищи по оружию», стихотворениях «Танк», «Кукла», «Самый храбрый» и т.д.

Военным же специалистам потребовалось около года для анализа и осмысления опыта военных действий в степях Монголии: в 1940 г. выходят книги П.И. Другова «Из опыта действий АБТВ на р. Халхин-Гол», «Боевые действия авиации в Монгольской Народной Республике», «Бои у Халхин-Гола» и др., в которых рассматривались главным образом военные аспекты этой проблемы. В том же году Генеральный штаб РККА издал монографию «Действия 1-й армейской группы в Халхин-гольской операции» (май – сентябрь 1939 г.)» А далее последовало несколько десятков исторических исследований, воспоминаний участников боёв и т.д., большинство из которых вышло уже после окончания Великой Отечественной войны.

К числу наиболее заметных из них следует отнести следующие работы: Г.Н. Севостьянов «Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны» (М., 1961) и статья того же автора «Военное и дипломатическое поражение Японии в период событий у реки Халхин-Гол. (Вопросы истории, 1957, № 8); М.В. Новиков «Победа на Халхин-Голе» (М., 1957); «Японский милитаризм. (Военно-историческое исследование)» (М., 1972), Г.В. Ефимов, А.М. Дубинский «Международные отношения на Дальнем Востоке», кн. 2, (М., 1973); А.С. Савин «Японский милитаризм в период Второй мировой войны» (М., 1979), И.И. Федюнинский «На Востоке» (М., 1985). Все они достаточно полно раскрывают особенности, ход и исход боевых действий, массовый героизм советских и монгольских воинов и т.д. Однако многие принципиально важные моменты этих событий остались за рамками упомянутых исследований, что было во многом обусловлено идеологическими и политическими установками советского времени.

В связи с этим наибольший научный интерес могут представлять недавно вышедшие книги российских исследователей, которые отражают новые подходы к оценке и анализу произошедшего. Некоторые были написаны в связи с 70-летней годовщиной событий на

Халхин-Голе. Это – сборник «Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии» (М., 2009), статья Ю.В. Кузьмина «Спорные проблемы войны на Халхин-Голе», опубликованная в «Вестнике Международного центра азиатских исследований» (2009, №16), а также справочная информация, подготовленная Историко-документальным департаментом МИД России «К 70-летию событий на реке Халхин-Гол», размещённая на сайте Министерства иностранных дел РФ (www.mid.ru 14.05.2009). Параллельно с этим продолжается публикация мемуаров и личных воспоминаний о событиях тех лет, среди которых следует выделить книгу А.П. Жукова «Под абсолютно красным солнцем: война отца» (М., 2010). Большой объём архивных материалов помещён в сборнике документов «Российско-монгольское военное сотрудничество от Халхин-Гола до линкора “Миссури” (1939–1945 гг.)», изданном в 2011 г. в рамках проекта МинОКН Монголии и Российского гуманитарного научного фонда. Отдельно следует выделить работы Института Востоковедения РАН: соответствующие разделы в коллективной монографии «СССР и страны Востока накануне и в годы Второй мировой войны» (М., 2010) и сборник «Халхин-Гол: взгляд на события из XXI века», выпущенный в 2013 г., в котором исследователи из России, Монголии и Японии в своих статьях анализируют различные аспекты этого конфликта.

Наш краткий библиографический экскурс завершают два последних издания по этой проблематике, приуроченных к 75-летней годовщине халхин-гольских сражений: сборник архивных документов – «Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май-сентябрь 1939 г. Документы и материалы» (2014) и книга Ю.М. Свойского «Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японских плен» (М., 2014).

Одним словом, российская историография этой проблемы достаточно обширна, даже если не учитывать более 700 единиц архивных документов, находящихся на хранении в Российском государственном военном архиве. Тем не менее, многие проблемы, связанные с этими событиями, остаются малоизученными, и, пожалуй, главная из них касается военнопленных. Она включает в себя такие аспекты, как уточнение числа японских и советских, а также монгольских военнослужащих, оказавшихся в руках противника, обращение с ними в СССР и Японии, а также выяснение их дальнейшей судьбы после возвращения из плена и т.д.

Эти вопросы долгие годы оставались за рамками научных исследований в нашей стране. Куда больше внимания в современной российской историографии уделено исследованию тематики, связанной с пребыванием японских военнопленных на территории СССР после окончания Второй мировой войны. Пожалуй, самое главное препятствие на пути изучения проблемы военнопленных, захваченных во время боёв на Халхин-Голе обеими воюющими сторонами, состоит в отсутствии доступа к соответствующим фондам архивных документов, часть из которых до сих пор не рассекречена по причине формальной принадлежности военному ведомству. Но все эти обстоятельства не снижают актуальности проблемы, имеющей не только историческое, но и гуманитарное содержание.

Вопросы военного плена всегда были необычайно важны и чувствительны для России и Японии, которые в XX веки воевали между собой чаще других стран: русско-японская война (1904–1905), японская интервенция в Сибирь и на Дальний Восток (1918–1922), бои на о. Хасан (1938) и р. Халхин-Гол (1939), советско-японская война (1945), не говоря уже о сотнях приграничных вооружённых инцидентов. Однако, как известно, наши страны далеко не всегда и не в полной мере применяли нормы международного права в отношении

поверженного противника. Достаточно напомнить, что Советский Союз и Япония ратифицировали Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1949 г. с заметным опозданием – лишь в начале 1950-х годов.

Пожалуй, самый лучший пример отношения к военнопленным демонстрируют события русско-японской войны, разразившейся спустя 5 лет после принятия Первой Гаагской конвенции о законах и обычаях сухопутной войны 1899 г. Тогда принципы международного гуманитарного права лишь только начинали входить в военную практику государств и не были до конца апробированы на практике. И, тем не менее, обе страны оказались верны букве принятых договорённостей в отношении к захваченному противнику. Царская Россия, выступившая инициатором Гаагской конференции, позиционировала себя в те годы как самая гуманная из великих держав. А Япония, недавно вступившая в мировое сообщество, старательно стремилась продемонстрировать себя в этом конфликте в роли цивилизованной стороны, тем самым заявляя о себе как о равной другим развитым капиталистическим державам.

Число японских военнопленных, оказавшихся тогда на российской территории, составляло 1776 человек. Они располагались в бывших военных казармах в деревне Медведь, ныне входящей в состав Новгородской области, и 197 человек – под Харбином. Количество же русских военнослужащих, захваченных японцами, определяется в 71 947 человек. Они размещались в 28 лагерях. В общем итоге на момент подписания Портсмутского мира в японском плену находилось 62 149 человек, 10 000 к тому времени были репатриированы на родину, 462 воина умерли на чужбине [2].

Принято считать, что отношение японцев к русским пленным должно было стать примером для других государств в области соблюдения норм международного гуманитарного права. Этот гуманитарный опыт лёг в основу будущих международных конвенций, связанных с обращением с военнопленными, больными и ранеными. Он сыграл позитивную роль и в области развития российско-японских культурных и общественных связей. Достаточно вспомнить ту помощь и поддержку, которую оказывало русским население Японии, а японцы, общаясь с русскими, получили возможность непосредственно познакомиться с их культурой и бытом. И всё это происходило вопреки широко распространённому в те годы в русской и японской печати образу врага, растиражированному в обеих странах местной пропагандой.

Показательно и то, что наши страны тогда продемонстрировали приверженность Гаагской конвенции и на межгосударственном уровне. В Портсмутском мирном договоре (1905) присутствует специальная 13-я статья, посвящённая урегулированию проблем, связанных с содержанием военнопленных, что в дальнейшем было исключено из гуманитарной практики многих стран, несмотря на то, что гуманитарное право за эти годы значительно продвинулось вперёд в своём развитии и применении.

Так, в 1907 г. Вторая Гаагская конференция мира в значительной степени расширила правовой режим военнопленных, и одним из основных разработчиков новой дополненной конвенции стал наш соотечественник – член Российской академии наук Ф.Ф. Мартенс. Плен, согласно этой конвенции, являлся лишь арестом в целях безопасности с пощадой жизни, здоровья и имущества пленных [3, с. 397].

Первая мировая война, в которой царская Россия и Япония выступали в качестве союзников, и приобретённый тогда в новых исторических условиях опыт военного плена поставил перед странами в этой гуманитарной области новые вопросы. Это продиктовало необходимость

дальнейшей разработки положений, связанных с обращением с военнопленными. В связи с этим 27 июля 1929 г. в Женеве были приняты две специальные конвенции «Об обращении с военнопленными» и «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». В первой из них кроме общих положений содержались такие правовые нормы, как определение лагерей военнопленных, условия взятия в плен, трактовались особенности трудового использования военнопленных в соответствии с их положением и профессией и т.д.

Однако Советский Союз отказался от участия в мирной конференции в Женеве в 1929 г. и признал только конвенцию «Об улучшении участи раненых и больных в действующих армиях». Положения же конвенции «Об обращении с военнопленными» советское руководство посчитало «малоубедительными» [4, с. 1016], поскольку они не вписывались в новую советскую наступательную военную доктрину страны, разработанную Михаилом Тухачевским. Она была сориентирована на ведение вооружённых действий на территории противника с небольшим количеством военнопленных с советской стороны. И потому считалось, что в такой ситуации связывать себя какими-либо обязательствами с потенциальным противником не имело смысла. Считается, что этим отказом в дальнейшем ловко воспользовался Гитлер, заявив о том, что советские военнопленные не подпадают под защиту Женевской конвенции 1929 г. Но главный камень преткновения состоял в том, что в тексте Конвенции гарантировался доступ представителей Красного Креста в лагерь для военнопленных, что шло вразрез с убеждениями советского руководства.

Мнение И.В. Сталина о том, что воину Красной Армии лучше погибнуть, чем оказаться во вражеском плену, было закреплено в советском законодательстве, где сдача в плен приравнивалась к добровольному переходу на сторону противника, что каралось расстрелом с конфискацией имущества. К тому же Сталин опасался, что слишком мягкие условия международных конвенций могут отрицательно сказаться на политико-моральном состоянии солдат и командиров РККА. В дальнейшем, 19 марта 1939 г., ЦИК и СНК Постановлением № 46 утверждают проект «Положения о военнопленных», который из-за приведения в соответствие с общими принципами советского права получил ряд отличий от Женевской конвенции 1929 г.

Важно отметить, что Япония также не ратифицировала и не ввела в действие Женевскую конвенцию «Об обращении с военнопленными» 1929 г. Против её ратификации категорически протестовали в армии и флоте. Так что наши страны во время военных событий на Халхин-Голе не были регламентированы в своих действиях в отношении пленённого противника никакими последними международными гуманитарными обязательствами, а действовали, во многом исходя из доброй воли и имевшегося военного опыта, а также национальных традиций.

В СССР, как было сказано выше, роль традиций была полностью устранена сталинской идеологией, а в Японии они во многом были связаны с кодексом самурайской чести Бусидо. Достаточно напомнить ряд высказываний из показаний бывшего премьер-министра Японии Тодзио Хидэки на Токийском трибунале: «Моё заявление, что отношение японцев к вопросу о военнопленных отличается от отношений европейцев и американцев, означает, что ещё с незапамятных времён японцы считали позорным сдаваться в плен. Поэтому все воины получали приказ идти на смерть, но не становиться военнопленными. При таком положении считалось, что ратификация Женевской конвенции заставила бы общественное мнение

поверить, что власти поощряют японцев сдаваться в плен. Поэтому в ответ на запрос нашего Министерства иностранных дел относительно действия Женевской конвенции Военное министерство заявило, что хотя оно не может объявить о полном согласии с его принципами, но и не возражает против их применения с необходимыми оговорками. В январе 1942 года министр иностранных дел объявил через посольства Швейцарии и Аргентины, что Япония будет следовать Женевской конвенции с изменениями» [5, с. 536].

Что эти слова означали на практике – свидетельствуют воспоминания К. Симонова, который был шокирован картиной, увиденной при обмене пленными Халхин-Гола. Он красочно описал, как японские санитары поспешно надевали на головы своих освобождённых из плена соотечественников бумажные колпаки, чтобы тем было не стыдно смотреть в лицо офицерам и солдатам императорской армии [6]. А по возвращении на родину многих из них ждал военный трибунал и казнь. Похожая судьба была уготована в СССР и красноармейцам, прошедшим через японский плен.

Возможно, в силу подобного рода исторических обстоятельств специальных исследований по теме военного плена в СССР и Японии не проводилось. А современные российские авторы в своих работах о событиях на Халхин-Голе ограничиваются лишь констатацией факта, что после окончания военных действий был произведён обмен пленными. В ряде изданий сообщается, что передача пленных происходила дважды, и число переданных Японии военнопленных 27 апреля 1939 г. составило 88 человек, и 116 человек были возвращены японской стороне 27 апреля 1940 г. При этом подчёркивается, что обмен производился по распоряжению народного комиссара обороны СССР маршала Ворошилова, из расчета «один за один» [7, с. 9]. Но поскольку советских бойцов в плен попало всего 88 человек, то 116 японцев были возвращены в одностороннем порядке.

Правда, встречаются и другие цифры, порой без ссылок на источники. Например, доктор исторических наук К.Е. Черевко в своей книге «Серп и молот против самурайского меча» указывает на то, что потери РККА пленными «по предварительным официальным советским сведениям, составили 216 человек» [8, с. 95]. Другой же японовед-историк, А.А. Кириченко, уточняет, что «в ходе боёв на Халхин-Голе было захвачено 227 японских и маньчжурских военнослужащих. Из них 6 умерли в плену от ран, 3 отказались возвращаться в Японию, остальные переданы японской стороне» [9, с. 92, 96]. Попутно замечу, что изучая материалы, связанные с войной на Халхин-Голе, находящиеся в открытом доступе РГВА, мне с группой японских исследователей удалось установить фамилии лишь немногим более 120 японцев, взятых в плен Красной армией. Однако даже эти скудные сведения порой сопровождаются досадными ошибками. Так, в качестве курьёза можно упомянуть о заявлении исследователя А.Б. Широкограда, который утверждает, что «27 сентября 1939 г. Советский Союз выдал Японии 88 пленных, 27 апреля 1940 г. японцы СССР вернули 116 человек» [10, с. 543].

В силу подобного рода противоречивой информации до недавнего времени наиболее аргументированными и достоверными считались данные, представленные в исследовании авторитетного американского историка Элвина Кукса «Номонхан: Япония против России» (Alvin D. Coox. *Nomonhan: Japan Against Russia*), впервые изданной в 1985 г. Согласно собранным им сведениям, основанным на японских архивных документах и интервью с очевидцами, число переданных советских военнопленных составило 89 человек (87 – в 1939 г.,

и 2 – в 1940 г.), а японских было возвращено 204 человека (88 – в 1939 г., и 116 – в 1940 г.), в том числе 160 японских и 44 маньчжурских солдат и офицеров [11, с. 121].

Эти данные подтверждаются и российскими архивными документами, согласно которым на конец 1939 г. на территории СССР находилось 117 подданных Японии, которые были размещены в Читинской тюрьме [12]. «Из них, по сообщению начальника УНКВД по Читинской области капитана госбезопасности Портного, – 107 человек были приняты в конце сентября 1939 г. от штаба фронтовой группы [13]. Среди этих 107 человек, как указывалось в донесении начальника 1-го отдела Управления НКВД по делам военнопленных Тишкова, есть 13 офицеров во главе с капитаном Като, которые именуют себя “комиссией по уточнению границ”. Взятые они были как нарушители границы, а официально числятся “перебежчиками”. Като заявляет, что они заблудились и нарушили границу “случайно”». 10 человек офицеров и унтер-офицеров прибыли в Читинскую тюрьму из Бутырской тюрьмы в ноябре по указанию СО ГУГБ НКВД СССР как направленные в распоряжение товарища Штерна. Никаких указаний об их дальнейшем направлении УНКВД по Читинской области от штаба Забайкальского военного округа до сих пор не имеет. Личные дела имеются только на 10 военнопленных, прибывших из Бутырской тюрьмы. На остальных военнопленных в тюремном отделе УНКВД имеются списки. В настоящее время началось заполнение опросных листов и заводятся личные дела, – говорится в документе [13].

Следует пояснить, что приёмом японских пленных и организацией их содержания занимался Народный комиссариат внутренних дел во главе с Л.П. Берия. Показательно, что ещё в разгар военных действий на Халхин-Голе советское руководство прогнозировало, что у нас в плену может оказаться до нескольких тысяч человек. В связи с этим ГУЛАГом НКВД СССР в г. Нижнеудинске Иркутской области был развёрнут специальный лагерь, рассчитанный на прием до 2 тыс. японских солдат и офицеров, о чём свидетельствует справка НКВД СССР о японских военнопленных, захваченных в период боёв на монгольской территории, датированная 3 марта 1940 г. [13]. В ней, в частности, говорится: «В период событий на Халхин-Голе Моботделом НКВД было предложено ГУЛАГу НКВД подготовить лагерь к приему военнопленных японцев» [13]. Это был первый советский лагерь, предназначенный для иностранцев. Однако в те годы он так и не был задействован по своему прямому назначению в силу малочисленного состава оказавшихся в советском плену японских военнослужащих, что делало его эксплуатацию крайне нерентабельной. В связи с этим в соответствии с шифротелеграммой Наркома внутренних дел Л.П. Берия № 801 от 30.10.1939 г. японские военнопленные были переведены в отдельный корпус Читинской тюрьмы, куда впоследствии поступили и 10 офицеров, возвращённые из Бутырской тюрьмы г. Москвы.

Трудно утверждать конкретно, где и когда это произошло, но мне неоднократно довелось слышать рассказ о том, как японские военнопленные, оказавшиеся в советских лагерях после окончания Второй мировой войны, встречали там своих соотечественников, отбывавших у нас наказание со времен халхин-гольских событий.

Вот, пожалуй, только этими документальными свидетельствами о судьбе японских военнопленных мы располагаем на настоящий момент, за исключением отдельных эпизодов из художественной и мемориальной литературы. Об этом, в частности, писал и Маршал Советского Союза Г.К. Жуков в своей книге «Воспоминания и размышления» в 2-х томах

(М.: Олма-Пресс, 2002). Попутно заметим, что эта тематика была затронута в статье И.В. Сеченова «Узники войны. Судьбы военнопленных Халхин-Гола» (2009) – командира поискового отряда «Байкальский следопыт», на протяжении многих лет работающего на территории Монголии на месте боёв в районе реки Халхин-Гол.

О русских солдатах и офицерах, попавших в японский плен, недавно стало известно куда больше благодаря статье в книге Ю.М. Свойского «Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен». Автор, не будучи по своей основной профессии историком, но давно и серьёзно интересующийся событиями на Халхин-Голе, проделал огромную работу по выявлению архивных документов, касающихся имен и судеб советских солдат, попавших в плен к японцам.

Как указывается, в частности, в приведённом в книге Докладе народному комиссару обороны К.Е. Ворошилову, датированному 22 октября 1939 г.: «При обмене пленными после боёв в районе реки Халхин-Гол японцы возвратили наших 77 человек. Среди них: рядовых – 57, младших командиров – 12, средних – 7, старших – 1. Политсостава в плену не было... Проведённым опросом установлено, что при пленении оказывали сопротивление 9 человек. Не смогли сопротивляться вследствие ранений 12 человек. Не имели при себе оружия 3 человека. Внезапно были схвачены японцами 10 человек. Сдались в плен добровольно с оружием в руках – 43 человека» [14, с. 226]. Однако автор корректирует это донесение, приведя в качестве документального доказательства и другие материалы, на основе которых он делает вывод о том, что во время боёв на Халхин-Голе в японский плен попали в общей сложности 97 советских воинов, из них: 82 человека были возвращены на родину по обмену пленными в сентябре 1939 года, 11 были убиты японцами, 4 отказались возвращаться на родину. Из числа возвращённых Советскому Союзу военнопленных 38 человек были преданы суду военного трибунала по обвинению в добровольной сдаче в плен или в сотрудничестве с японцами в плену [14, с. 44].

В книге можно отыскать биографические сведения на многих советских военнослужащих, оказавшихся в японском плену, подробное описание обстоятельств их сдачи в плен на основе написанных ими собственноручно объяснительных показаний, а главное – рассказ об их дальнейшей судьбе уже по возвращению на родину, где, как правило, ждало обвинение в измене родине и судебное преследование.

И, тем не менее, изученный Ю.М. Свойским комплекс документов нельзя назвать полным. Так, например, не удалось выявить часть приговоров военного трибунала (на 4 человек из 38 преданных суду), не найден первый список военнопленных, составленный непосредственно в процессе обмена 27 сентября 1939 г., а также ряд важных документов, определивших порядок обращения с военнопленными, в том числе Наркомата обороны и Политуправления РККА за сентябрь–октябрь 1939 г. и т.д. Неполнота комплекта документов оставляет открытым ряд вопросов, таких, как выверенные данные о численности советских военнопленных, оказавшихся в японском плену, в том числе попавших в плен ранеными, умерших в плену, демобилизованных после возвращения из плена вследствие ранений. Также остаётся недостаточно полно изученным вопрос о судьбе попавших в плен монгольских цириков и другие.

Однако благодаря большой поисковой работе Ю.М. Свойского и введению им в научный оборот массивного комплекта новых документов о событиях на Халхин-Голе мы имеем достаточно полное представление о пребывании советских военнопленных в японском плену

и их дальнейшей судьбе на родине. Тем не менее, работа по выявлению новых архивных документов продолжается. И параллельно действуют поисковые отряды добровольцев из Иркутска и Улан-Удэ, которые регулярно выезжают в Республику Монголия на поля бывших сражений и занимаются поиском и опознанием останков советских солдат и офицеров, погибших на полях Монголии.

Библиографический список

1. Красноярский рабочий. 16.07.1939.
2. Шацилло В.К. Япония и японцы глазами русских военнопленных. 1904–1905 гг. // Опыт мировых войн в истории России. Челябинск, 2007. URL: http://www.bookssite.ru/verechgin/6_58.html (дата обращения: 13.02.2018).
3. Лист Ф. Международное право в системном изложении. Юрьев, 1909.
4. Военнопленные в СССР. 1939–1956. Документы и материалы. Волгоград, 2000. С. 1016.
5. Смирнов Л.Н., Зайцев Е.Б. Суд в Токио. М., 1984.
6. «Самый храбрый»: печальная участь японских военнопленных, вернувшихся домой из советского плена. URL: <http://amdn.news/samyi-khrabryi-piechal-naia-uchast-iaponskikh-voennopliennykh-viernuvshikhsia-domoi-iz-sovietskogho-plieda> (дата обращения: 13.02.2018).
7. Вооруженный конфликт в районе реки Халхин-Гол. Май – сентябрь 1939. Документы и материалы. М., 2014.
8. Черевко К.Е. Серп и молот против самурайского меча. М.: Вече, 2003.
9. Кириченко А.А. Потери Японии в сражениях на Халхин-Голе // Халхин-Гол: взгляд из XXI века. М., 2013.
10. Широкопад А.Б. Русско-японские войны 1904–1945 гг. Минск: Хервест, 2003.
11. Соох, Alvin D. Nomonhan. Japan Against Russia. Stanford, California: Stanford University Press, 1990.
12. Карасев С.В. Японские военнопленные // Энциклопедия Забайкалья. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=5355> (дата обращения: 13.02.2018).
13. Мошанский И. Бои в районе реки Халхин-Гол 11 мая – 16 сентября 1939 года. URL: http://modernlib.ru/books/moschanskiy_ilya/boi_v_rayone_reki_halhingol_11_maya_16_sentyabrya_1939_goda/ (дата обращения: 13.02.2018).
14. Свойский Ю.М. Военнопленные Халхин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японских плен. М., 2014.

References

1. Krasnoyarskiy rabochiy [The Newspaper “Krasnoyarsk worker”]. 16.07.1939.
2. Shatsillo V.K. (2007). YAponiya i yaponsy glazami russkikh voyennoplennykh. 1904–1905 gg. [Japan and the Japanese through the eyes of Russian prisoners of war. 1904–1905]. Opyt mirovykh voyn v istorii Rossii [The experience of world wars in the history of Russia]. Chelyabinsk. URL: http://www.bookssite.ru/verechgin/6_58.html (accessed: 13.02.2018).
3. List F. (1909). Mezhdunarodnoye pravo v sistemnom izlozhenii [Systematic presentation of international law]. Yur'yev.

4. Voyennoplennyye v SSSR. 1939–1956. Dokumenty i materialy [Prisoners of war in the USSR. 1939–1956. Documents and materials]. Volgograd, 2000, p. 1016.
5. Smirnov L N., Zaytsev E.B. (1984). Sud v Tokio [The Court in Tokyo]. Moscow.
6. “Samyy khrabryy”: pechal’naya uchast’ yaponskikh voyennoplennykh, vernuvshikhsya domoy iz sovetskogo plena [“The bravest”: the sad fate of Japanese prisoners of war who returned home from the Soviet captivity]. URL: <http://amdn.news/samyi-khrabryi-piechal-naia-uchast-iaponskikh-voiennopliennykh-viernuvshikhsia-domoi-iz-sovietskogho-pliena> (accessed: 13.02.2018).
7. Vooruzhennyi konflikt v rayone reki KHalkhin-Gol. May – sentyabr’ 1939. Dokumenty i materialy [Armed conflict in the vicinity of the Khalkhin-Gol river. May – September 1939. Documents and materials]. Moscow, 2014.
8. Cherevko K.E. (2003). Serp i molot protiv samurayskogo mecha [Sickle and hammer against the samurai sword]. Moscow: Veche.
9. Kirichenko A.A. (2013). Poteri YAponii v srazheniyakh na KHalkhin-Gole. KHalkhin-Gol: vzglyad iz XXI veka [The loss of Japan in the battles at Khalkhin-Gol. Khalkhin-Gol: a view from the 21st century]. Moscow.
10. Shirokorad A.B. (2003). Russko-yaponskiye voyny 1904–1945 gg. [Russian-Japanese wars of 1904–1945]. Minsk: Harvest.
11. Coox, Alvin D. (1990). Nomohan. Japan Against Russia. Stanford, California: Stanford University Press.
12. Karasev S.V. YAponskiy voyennoplennyye [Japanese prisoners of war]. Entsiklopediya Zabaykal’ya [Encyclopedia of Transbaikalia]. URL: <http://ez.chita.ru/encycl/person/?id=5355> (accessed: 13.02.2018).
13. Moshanskiy I. Boi v rayone reki KHalkhin-Gol 11 maya – 16 sentyabrya 1939 goda [Fights near the Khalkhin-Gol River May 11 – September 16, 1939]. URL: http://modernlib.ru/books/moschanskiy_ilya/boi_v_rayone_reki_halhingol_11_maya_16_sentyabrya_1939_goda/ (accessed: 13.02.2018).
14. Svoyskiy Yu.M. (2014). Voyennoplennyye KHalkhin-Gola. Istoriya boytsov i komandirov RKKA, proshedshikh cherez yaponskikh plen [Prisoners of war of Khalkhin-Gol. The history of the soldiers and commanders of the Red Army, who passed through the Japanese captivity]. Moscow.

Поступила в редакцию 13.02.2018

Received 13.02.2018

Автор:

Катасонова Елена Леонидовна, доктор исторических наук, руководитель Центра японских исследований Института востоковедения РАН. E-mail: [katasonova@rambler.ru](mailto:katsonova@rambler.ru)

Author:

Katsonova Elena L., Doctor of Sciences (History), Center of Japanese Studies, Head, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: [katasonova@rambler.ru](mailto:katsonova@rambler.ru)